18. Waldron P. Religious Toleration in Late Imperial Russia // Civil Rights in Imperial Russia / Ed. by O. Crisp and L. Edmondson. Oxford: Clarendon Press, 1989.

© Соколова Е.С.

УДК 342.36

«ПО НАШЕЙ К ПОДДАННЫМ ЛЮБВИ…»: О СПОСОБАХ ЛЕГИТИМАЦИИ НАДСОСЛОВНОЙ МОДЕЛИ САМОДЕРЖАВИЯ В ЮРИДИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИЗАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ (1742-1760 ГОДЫ)

Соколова Елена Станиславовна, кандидат юридических наук, доцент
Уральский государственный юридический университет
e-mail: elena.sokolova1812@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена проблеме историко-правовой реконструкции способов легитимации верховной власти монарха, апробированных российской политико-юридической практикой в период правления императрицы Елизаветы Петровны. На основе широкого круга носителей правовой информации выявлены основные направления закрепления в правосознании различных социальных групп общества представления о монархе как единственном гаранте общественного благополучия и политической стабильности Российского государства.

Ключевые слова: Российское самодержавие, надсословная монархия, юридическая политика, легитимация власти, церемониальный текст, законодательство, правосознание.

Выявление способов легитимации самодержавия в политико-юридической практике Российского государства периода Нового времени относится к числу наименее исследованных проблем историко-правовой науки. Отчасти наличие данной лакуны связано с отсутствием в последнее время предметного интереса к вопросам развития государственного права. Его детальная реконструкция, на первый взгляд, лишена актуальности в силу наличия большого количества аналитических работ по самодержавно-абсолютистской тематике.

Тем не менее, научные пробелы все же существуют. Далеко не все институциональные особенности организации верховной власти монарха императорской России находятся в поле зрения историков-юристов. К числу таковых следует отнести историко-правовую специфику механизма государственного воздействия на социум, который в условиях реализации самодержавного политического режима был выстроен на основе тягловой модели отношений подданства и неравенства прав состояния. В ходе институционализации особого статуса самодержавного монарха носители верховной власти были выведены из-под действия общих законов как основные гаранты законности, правосудия, государственного единства и внешней безопасности. В итоге сословное законодательство было превращено в инструмент общественного управления. Его разработка

стала основополагающим направлением законодательной политики, нацеленной на создание юридических условий для доминирования монарха в политической системе Российского государства.

По мере вызревания самодержавно-абсолютистской тенденции в системе власти и управления режим единовластия монарха приобретал надсословную природу, политико-юридическая сущность которой заключается в наличии приоритета государственного начала над узкосословными интересами отдельных слоев общества. На протяжении XVIII в. российские самодержцы обеспечивали преемственность данной законодательной политики, конституируя права и обязанности отдельных групп населения в зависимости от тех или иных государственно-правовых приоритетов в области организации государственной службы, финансово-экономической сферы и международно-правового положения Российского государства. Курс на укрепление надсословной монархии стал возможен в силу слабо выраженной сословной корпоративности и опосредованности статусных признаков каждого правового состояния принципом «общего блага». В данном контексте проблема превращения сословного законодательства в инструмент социального управления была поставлена в рамках государственно-юридической школы[1].

Обращение к надсословной проблематике представляется актуальным и сегодня. Прежде всего, это необходимо для выявления политико-юридической природы российского самодержавия, ориентированного не только на дворянство, но и на иные юридические состояния. В научной литературе отмечается институциональное значение сословного законодательства для конституирования принципа безответственности монарха и легализации целенаправленного вмешательства государства в социальные процессы. При этом исследование исторического контекста сословно-правового вектора юридической политики российских самодержцев осуществляется, в основном, на материалах первой половины XIX в. С историко-правовой точки зрения это представляется обоснованным, так как юридическое оформление сословного строя являлось важной частью систематизации российского права и приобрело завершенный характер с утверждением Свода законов[2].

Предметный интерес представляет и обращение к политико-юридическим реалиям XVIII столетия, представлявшим собой своеобразный каракас для сословных реформ последующего периода. Наличие комплекса неблагоприятных факторов, дестабилизирующих

[1] Соколова Е. С. Надсословная монархия: теоретическая модель и гносеологические возможности ее апробации в историко-правовой науке // Российский юридический журнал. 2018. № 4. С. 159-176.

[2] Кодан С. В. Сословная стратификация общества и законодательство о состояниях в политике Российской верховной власти (1800-1850-е гг.) // Политика и общество. 2012. № 9. С. 90-99; Его же. Сословное законодательство в политике российской верховной власти (1800-1850-е гг.) // Юридические исследования. 2012. № 2. С.117-145.

верховную власть, повышало системообразующую значимость репрезентативных стратегий, обращение к которым создавало прямую или косвенную возможность для расширения сферы воздействия монарха на подданных с целью преодоления возникшего вакуума между государством и сословиями.

Надсословная направленность официальных репрезентаций, при помощи которых носители верховной власти транслировали представление об особом статусе правящего лица, хорошо прослеживается на примере начинаний Елизаветы Петровны в области возрождения государственно-правового наследия Петра Великого мемориальными средствами. Использованные с этой целью знаковые стратегии отличались преемственностью, подлежали практике обнародования через нормативно-правовые акты именного происхождения и представляли собой эффективное средство укрепления суверенной власти монарха как в черте Российского государства, так и на международном уровне.

В общеисторических трудах основной исследовательский акцент традиционно ставится на проблеме выявления личностных качеств императрицы, оказавших воздействие на общее направление ее реставрационной политики. В поле зрения историков находятся и отдельные государственно-правовые инициативы, нацеленные на расширение властных полномочий монарха; анализируются некоторые аспекты сословного законодательства, расширяющего привилегии дворянства, выявляется роль придворных группировок в разработке отдельных элементов политики «просвещенного абсолютизма», раскрыта продворянская направленность церемониальных текстов. В целом, идеологическая основа правления Елизаветы Петровны освещена в научной литературе фрагментарно и не соотнесена с юридическим сопровождением реализации надсословных стратегий управления подданными[1].

Официальная идеологема елизаветинского законодательства о «наследственной державе», «земная слава» которой покоится на добровольном исполнении «людьми … всех чинов … своей подданнической должности», получила наглядное воплощение в коронационном сценарии[2].

---

[1] Мурашов И. Ю. Властные полномочия российского монарха в правление Елизаветы Петровны: Автореф. дисс… канд. истор. наук. Омск, 2010. С. 14-25; Анисимов Е.В. Афродита у власти. Царствование Елизаветы Петровны. М., 2010. С. 145-172; Кирповская Н.С. Сословная политика Елизаветы Петровны (1741-1761) // Вестник Таганрогского института им. А. П. Чехова. 2016. № 1. С. 258-263; Лиштенан Ф. Д. Елизавета Петровна: Императрица, не похожая на других. М., 2012 С. 125-147; Писаренко К. А. Елизавета Петровна. М., 2014 С. 100-410.

[2] Именный « О имеющем быть в Апреле месяце сего года короновании Ея Императорскаго Величества» от 1 января 1742 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое (далее – ПСЗ I.). Т. XI. № 8495.

Как сама императрица, так и ее сторонники придавали основополагающее значение патриотической окраске событий 25 ноября 1741 г., что предопределило общее направление официальных политико-юридических практик. Коронационный манифест бывшей цесаревны, опубликованный «во всенародное известие», был адресован «духовнаго, военнаго, гражданскаго и прочих всех чинов людям Нашим, верным подданным» и вместе с этим содержал религиозно-нравственную аргументацию в пользу тезиса о «неизреченности» Божественного милосердия, проявленного к России и россиянам[1].

В том же политико-идеологическом ключе происходила и церемония прибытия императрицы Елизаветы Петровны в Москву. В отличие от своей предшественницы, новая государыня въезжала в «царствующий град» как прямая наследница созданной трудами Петра Великого державы и законная самодержица. Должность обер-церемониймейстера была поручена обер-прокурору Сената Брылкину, что на знаковом уровне свидетельствовало о возвращении прежнего статуса государственным учреждениям первой четверти XVIII в. Грандиозность государственного начала, воплощенного в самодержавной власти «дщери Петра», подчеркивалась за счет участия в коронационном церемониале армейских полков, ландмилиции и лейб-гвардии[2].

В отличие от прежних коронаций, светский компонент елизаветинской церемонии, в ряде случаев, отступал на второй план, что должно было внушить всем присутствующим мысль о религиозно-нравственной миссии новой императрицы, над которой витал ореол богоизбранной спасительницы святого православного царства. Отличавшаяся набожностью Елизавета с большим благоговением отнеслась к святыням кремлевских соборов и «изволила прикладываться к святым иконам и ко святым мощам», терпеливо выстояв при этом церковную службу в Успенском соборе. Религиозно-идеологическая семантика преобладала во внешнем декоре московских триумфальных ворот, в сюжетах которого доминировало прославление Елизаветы как законной самодержицы по воле Бога[3].

Особое внимание организаторы церемонии уделили сословному фактору. Елизавета Петровна изображалась в окружении своего народа, без различия чинов и званий. Большое количество символов и эмблем, использованных в ходе коронации, было посвящено прославлению

---

[1] Там же.

[2] Обстоятельное описание торжественных порядков благополучнаго вшествия в царствующий град Москву и священнейшаго коронования Ея августейшаго Императорскаго Величества Всепресветлейшия Державнейшия Великия Государыни Императрицы Елисавет Петровны Самодержицы Всероссийской, еже бысть вшествие 28 февраля, коронование 25 апреля 1742 года. СПб., 1744. С. 3-4.

[3] См.: там же. С. 5-27, 34-52.

мудрости и правосудия, как основополагающих атрибутов наступающей эры нового царствования[1].

Идеологическая составляющая елизаветинской коронации конструировалась с учетом специфики «петровского наследия» в области взаимодействия императорской власти и церкви, которая по-прежнему оставалась частью государственного аппарата. Коронационный сценарий 1742 г. преследовал прагматическую цель и был направлен на утверждение принципа суверенной основы верховной власти[2].

Данная особенность официального политико-юридического дискурса, предопределившего некоторые историко-юридические особенности елизаветинской коронации, нашли свое отражение в ее церковном ритуале, начиная с проповеди митрополита Амвросия (Юшкевича). Высказанная им официальная религиозно-политическая трактовка причин и следствий дворцового переворота 25 ноября 1741 г. создавала для Елизаветы Петровны возможность последовательного обращения в законодательной политике к принципу патернализма. Отныне все сколько-нибудь значительные высочайшие инициативы, в основном, аргументировались «материнской» заботой императрицы о благополучии подданных, что рассматривалось как составная часть правового курса на восстановление «петровского наследия» в государственно-правовой сфере[3].

Акцент на всесословное политико-правовое значение предстоящей коронации был сделан в ходе подготовки ее светского церемониала, что предопределило некоторые особенности оформления Ивановской площади и Успенского собора. Согласно официальному описанию елизаветинской коронации «для смотрения народу оной церемонии кругом всего того мосту по одну сторону к колокольне построены были места, на которые все желающие допущены были по билетам и становились по нумерам». При оформлении внутреннего пространства Успенского собора ведущая роль была отведена государственной символике[4].

Мощное государственное начало, положенное в основу торжественного выхода Елизаветы Петровны, хорошо прослеживается и на примере шествия высших чиновников статского ведомства. Впервые за всю историю коронационных мероприятий XVIII столетия в составе императорского шествия присутствовала бюрократическая элита коллегий

---

[1] Там же. С. 134-145.

[2] Там же. С. 11-22; Именный, объявленный Генерал-Прокурором Князем Трубецким. «О сделании двух триумфальных ворот в Санктпетербурге для шествия Ея Императорскаго Величества» от 3 сентября 1742 г. // ПСЗ–I. Т. XI. № 8612.

[3] Обстоятельное описание … С.10-21, 132 – 134; Коронационный Сборник, с соизволения Его Императорского Величества Государя Императора издан Министерством Императорского Двора / составлен под ред. В. С. Кривенко. Т. 1. СПб.,1899. С. 76-78.

[4] Обстоятельное описание… С. 27-35.

и канцелярий, созданных Петром Великим в качестве основного элемента имперской административно-управленческой системы.

Приоритет публично-правового аспекта коронации над церковным был властно заявлен и самой Елизаветой, которая взяла на себя роль координатора канонических элементов коронационного «чина» и лично руководила церемонией возложения на себя императорских регалий. Право императрицы на подобную поведенческую стратегию, цель которой заключалась в утверждении ее законных притязаний на самодержавную власть, получило полную поддержку со стороны верхушки Синодального духовенства.

Радикализм Елизаветы в решении данной проблемы частично отражал тенденцию ее царствования к подтверждению основных концептов церковной реформы Петра Великого. В то же время столь нарочитое огосударствление коронационного чина свидетельствовало о том, что институт самодержавия еще не соответствовал юридическим признакам неограниченной власти монарха, сформулированным в законодательстве первой четверти XVIII в., а слабые юридические основания его дальнейшей легитимации компенсировались на семантическом уровне.

Прагматические соображения надсословной направленности были положены в основу традиционной церемонии пожалования служебными отличиями, происходившей в Золотой палате Кремля перед началом коронационного пиршества. Наиболее почетные места были отведены обладателям военных чинов и рангов. Таким образом, подчеркивалось не только политико-юридическое значение императорского титула российских самодержцев, но и преемственность елизаветинской правовой политики с внутриполитическим курсом Петра Великого[1].

Беспрецедентным размахом по сравнению с предшествующими коронациями отличалась и бесконечная череда светских праздников, которые почти без перерыва шли до 7 июня 1742 г. Внешний декор этих публичных мероприятий, был навеян семантической концепцией Версаля, в которой активно использовались солярные мотивы и рукотворная модель «регулярной» природы, опосредованная творческой волей монарха-демиурга. Присутствовали здесь и европеизированные по своим образным средствам, уже привычные для элитарной правовой культуры российских верхов первой половины XVIII в., символы благополучия и незыблемости самодержавия[2]. По уже сложившейся традиции ведущая визуально-

[1] Обстоятельное описание… С. 63-94, 112-122; Коронационный сборник. С. 78.

[2] Обстоятельное описание…С. 123-124; Влияние статусно-репрезентативных представлений елизаветинской эпохи о семантической роли императорских приемов присутствует, например, в указе 1742 г. о механизме доставки свежих фруктов к столу императрицы. Именный, данный Сенату. «О привозе из Астрахани ко Двору Ея Императорскаго Величества разных фруктов» от 13 августа 1742 г. // ПСЗ I. Т. XI. № 8598; Вейдемейер А. Царствование Елисаветы Петровны. Сочинение А. Вейдемейера,

мнемоническая роль была отведена коронационным фейерверкам. Их знаковый смысл должен был не только донести до зрителя идею законности новой власти и прославить добродетели суверена, но и выразить чувство всенародной радости, которое стало рассматриваться как залог единства короны и всех сословий, связанных с ней отношениями подданства[1].

Политико-идеологическая аура, сопровождавшая коронационные феерии, находилась в полном соответствии с правовыми инициативами «дщери Петровой», приуроченными к коронации и знаменующими политику возрождения петровского патернализма над сословиями, но на ином качественном уровне. Сословный курс, взятый в начале елизаветинского царствования, предусматривал некоторую девальвацию полицейского начала. Возникновение подобной тенденции проявилось, например, в смягчении уголовной ответственности за совершение тяжких и особо тяжких преступлений лицами всех «чинов и званий».

Внушительность и масштабность коронации 1742 г., в ходе которой самодержавный принцип имперского правления получил выразительное мнемоническое воплощение, не снимал с повестки дня проблем, вызванных отсутствием убедительной юридической аргументации в пользу воцарения Елизаветы Петровны. Это хорошо прослеживается на примере следственного дела князей Лопухиных, обвиненных в содействии возвращению Брауншвейгской династии к власти. Его подробности были обнародованы в манифесте от 29 августа 1743 г. Составители данного акта целенаправленно транслировали в широкие слои населения идею незыблемости притязаний «Богоизбранной» дочери Петра Великого на самодержавие[2].

Судебный процесс над Лопухиными происходил на фоне объявленной Сенатом кампании по уничтожению императорского титула малолетнего Иоанна Антоновича, напечатанного в церковных и гражданских книгах. Эта репрезентативная мера, направленная на формирование в умах подданных представления о легитимности воцарения Елизаветы Петровны, не достигла цели, так как правительственная элита не позаботилось о разработке механизма ее реализации. Любое неосторожное решение могло привести к неминуемому вторжению государства в частное пространство с целью сыска, что не практиковалось даже в суровые времена петровских реформ на фоне

служащее продолжением Обзора главнейших происшествий в России, с кончины Петра Великого. Ч. I. СПб:, 1834. С. 26-60.

[1] Обстоятельное описание… С.163-168; Штелин Я. Краткая история искусства фейерверков в России // Записки Якоба Штелина об изящных искусствах в России. Т. 1. М., 1990. С. 251-259; Ровинский Д. А. Обозрение иконописания в России до конца XVII века. Описание фейерверков и иллюминаций. СПб., 1903. С. 229-232.

[2] Манифест. «О злодейственных умыслах разных преступников противу Ея Императорскаго Величества, и об учиненных им наказаниях» от 29 августа 1743 г. // ПСЗ I.Т. XI. № 8775.

относительной стабильности самодержавной власти. К 1754 г. «в народе» оставалось большое количество запрещенной печатной продукции, на добровольное объявление которой уже не было никакой надежды, несмотря на постоянное подтверждение Сенатом указов предшествующих лет[1].

Репрезентативное значение получили и отдельные инициативы в области международного права, связанные с попытками российской дипломатии 1740-1750-х гг. добиться легитимации императорского титула на общеевропейском уровне. Ведущие европейские дворы не торопились официально признать за новой российской государыней статус императрицы, предпочитая, в основном, заключение сепаратных артикулов в тех случаях, когда это требовалось по соображениям политической конъюнктуры. Подобный образ действий, в частности, избрала британская сторона при заключении русско-английского трактата 1742 г. о возобновлении внешней торговли с Россией и создании оборонительного союза между Лондоном и Петербургом сроком на 15 лет при участии Саксонии, Пруссии и Голландии. К его тексту, который составлялся в разгар общеевропейской войны за австрийский трон и обострения англо-французских противоречий, были приложены секретные статьи, одна из которых посвящена вопросу о механизме сепаратного признания англичанами императорского титула в отношении Елизаветы Петровны и ее законных наследников[2].

В нормативно-правовых актах первых лет елизаветинского царствования, встречаются упоминания о проникавших в Россию политических пасквилях западного происхождения, возникавших на волне критики международно-правовых инициатив Петербурга. Например,

---

[1] Сенатский «О перемене Императорскаго титула в церковных и гражданских книгах, напечатанных во время правлений бывшаго Герцога Курляндскаго и Принцессы Анны Брауншвейг-Люнебургской» от 27 октября 1742 г. // ПСЗ–I. Т. XI. № 8648; Сенатский «О назначении месячного срока для объявления книг, манифестов и прочаго с бывшими в два правления титулами» от 18 октября 1748 г. // ПСЗ–I.Т. XII. № 9542; Сенатский. «О представлении книг на иностранных языках, в которых упоминаются имена бывших в два правления известных персон, в Академию Наук, если оныя книги там печатаны; о препровождении прочих в Правительствующий Сенат, и о запрещении ввоза таковых книг из чужих краев» от 25 августа 1750 г. // ПСЗ-I. Т. XIII. № 9794; Сенатский «О публиковании, чтоб те, у кого имеются на иностранных языках печатныя вне России Историческия, Генеологическия и Географическия книги, впредь оных не объявляли и о незапрещении вывозить оныя из-за границы, кроме книг, посвященных на имена известных лиц» от 10 октября 1750 г. // ПСЗ–I. Т. XIII. № 9805.

[2] Трактат оборонительнаго Союза на 15 лет между Российским и Англинским Дворами: 1) О взаимной помощи. 2) О признании Императорскаго титула Ея Величеству и Наследникам Российскаго Престола. 3) О возобновлении и подтверждении на 15 лет Коммерческаго между Россиею и Англиею Трактата, заключеннаго 2 Декабря 1743 года. 4) О включении в сей Союз Короля Польскаго, яко Курфирста Саксонскаго; и 5) о призыве в сей же Союз Короля Прусскаго и республики Голландской от 11 декабря 1742 г. // ПСЗ–I. Т. XI. № 8686. Артикулы сепаратныя. Арт. I – II.

внешнеполитический курс Российского государства по отношению к войне за австрийское наследство выстраивался с учетом возможности использования противоречий между европейскими державами для того, чтобы добиться от них официального признания императорского титула, хотя бы на уровне частноправовой договоренности. Ее стремление к легитимации имперского статуса России быстро вышло за пределы официальных кабинетов и приобрело, в конечном итоге, весьма своеобразный международный резонанс. К концу 1742 г. торговые ряды петербургского Гостиного двора оказались заполнены доступными по цене железными табакерками, на лаковой крышке которых был «намалеван пасквиль»[1].

Его общий вид получил подробное описание в именном указе от 31 декабря 1742 г. Елизавета была изображена в императорской короне, одетая в легкую рубашку и в окружении «пяти персон мужеских». Карикатура сопровождалась надписью на английском языке, передающей общий смысл «тех персон неприличных разговоров». Эти пикантные подробности были оглашены генерал-прокурором князем Трубецким в Сенате при объявлении елизаветинского указа о немедленной конфискации всей партии «таких и подобных тому табакерок и прочих с таковыми пасквильными фигурами вещей» со строгим запретом ввозить и «употреблять» их «в продажу впредь».

Помимо этого императрица обратилась к частным лицам всех сословных званий, купившим по неосторожности запрещенный товар, с предписанием немедленно предъявить его в Полицмейстерскую Канцелярию, «а той Канцелярии в Сенате» в обмен на денежную компенсацию из казенных средств. Неизвестно, как отреагировали петербуржцы на законодательную инициативу Елизаветы Петровны. Указ 1742 г. не был предназначен для всенародного известия и адресовался только сенаторам и членам Коммерц-Коллегии, которые, вероятно, ограничились полумерами, чтобы не провоцировать на массовом уровне разговоров, порочащих императрицу, спустя лишь несколько месяцев после ее коронации.

В условиях социально-политической нестабильности эпохи «дворцовых переворотов» наиболее перспективным способом укрепления императорского статуса каждого нового претендента на трон было обращение законодателя к подданным всех юридических состояний с социально-политическими инициативами всесословного характера. Именно этим обстоятельством объясняется формирование традиции российского законодательства XVIII – первой трети XIX вв. по изданию манифестов и сепаратных именных указов, направленных на обеспечение «общего блага» подданных за счет смягчения налоговой, уголовно-

[1] Именный, объявленный Генерал-Прокурором Князем Трубецким «О неупотреблении в продажу табакерок и прочих вещей с пасквильными фигурами» от 31 декабря 17// ПСЗ–I. Т. XI. № 8693.

правовой и экономической политики государства. Их смысловое значение заключалось в постулировании тезиса о взаимозависимости надсословной модели российской верховной власти и разработки таких юридических законов, социальная направленность которых не вызывала бы сомнения в разумной ориентации законодателя на насущные потребности подданных[1].

В то же время в елизаветинском законодательстве прослеживается достаточно последовательная тенденция к постулированию отношений подданства как своеобразной формы зависимости всех сословных категорий российского общества от императорской власти, включая присягнувших на верность императрице иностранцев. В законодательно закрепленных текстах клятвенного обещания «о бытии в вечном подданстве» российским самодержцам намеренно не проведено строгого юридического различия между состоянием раба и «должностью верного подданного». Юридическая сущность присяги, сопровождавшей официальное подтверждение отношений подданства, заключалась в закреплении круга обязанностей, серьезно ограничивающих личную свободу индивида в интересах государства. Вместе с тем статус подданного все же предусматривал наличие более или менее широкой правосубъектности, в целях содействия осуществлению высоких прав и прерогатив императрицы, обеспечивающих реализацию ее самодержавной власти[2].

Прагматические соображения имели место и в ходе закрепления законодательных новелл, обеспечивающих отказ Елизаветы Петровны от санкционирования смертных приговоров при общей тенденции к сохранению устрашающего потенциала уголовных наказаний. Объявив себя верной последовательницей «славных дел» Петра Великого, Елизавета постулировала проявленную ею инициативу как элемент «пропетровского» правительственного курса. В марте 1753 г. императрица дала устное повеление Сенату сделать выписки из именных указов предшествующих лет о том, «за какия вины политическая смерть и какая именно … положена». Тщательно просмотрев нормативно-правовые акты первой четверти XVIII в. сенаторы не смогли обнаружить «точных», в юридической терминологии того времени, определений по интересовавшему Елизавету Петровну вопросу[3].

---

[1] Именный, данный Сенату. «О подаче Ея Императорскаму Величеству верных списков о всех сосланных преступниках, до возшествия на престол Ея Величества, и об освобождении оных местными начальниками, под опасением ссылки, за неисполнение сего указа» от 9 ноября 1743 г. // ПСЗ–I. Т. XI. № 8817.

[2] Сенатский «О клятвенном обещании иностранцев, желающих присягать на вечное подданство России» от 27 августа 1747 г. // ПСЗ–I.Т. XII. № 9434.

[3] Высочайше утвержденный доклад « О именовании политическою смертию: возведение на виселицу, или положение головы на плаху, и о предоставлении в Сенат экстрактов из дел, по которым преступники присуждаются к натуральной или политической смерти, не приводя приговора в исполнение» от 29 марта 1753 г. // ПСЗ-I. Т. XIII. № 10087; Именный, в следствие Высочайше утвержденных докладов Марта 29.

Как следует из многочисленных законодательных актов первой половины XVIII столетия о смягчении участи «колодников» и тюремных «сидельцев», их социальный состав отличался неоднородностью, что не вписывалось в сепаратные предписания петровского уголовного законотворчества. Отсутствие подуманных догматических положений по вопросу о том, кого и на каком юридическом основании следует считать подлежащим политической смерти, на деле приводило к усилению судебной волокиты и ужесточению правоприменительной практики. В итоге, 30 сентября 1754 г. последовал разъяснительный указ Сената, в котором елизаветинское правительство было вынуждено признать факты «долговременного» вынесения судебных решений по особо тяжким уголовным преступлениям из-за неопределенности законодательства.

С целью преодоления наиболее негативных последствий елизаветинской инициативы в области гуманизации уголовного наказания Сенат использовал свойственную розыскному судебному процессу презумпцию виновности ответчика в практических целях. В качестве превентивной меры было принято решение об обязательном применении жестоких телесных и увечащих наказаний к потенциальным смертникам всех категорий, независимо от состава совершенных ими преступлений. Единственная «привилегия», предоставленная лицам, осужденным на политическую смерть, заключалась в их освобождении от клеймения. В итоге Елизавета Петровна и ее правительство в известной мере оказались заложниками собственной правовой политики, направленной на полную реставрацию всех законодательных инициатив Петра Великого, которые нередко отличались фрагментарностью, отсутствием продуманного механизма их реализации и отчасти преследовали цель быстрого решения сиюминутных проблем и потребностей государства[1].

Недостаток правовых средств повышения социально-политической стабильности верховной власти компенсировался за счет традиционного для российских монархов Нового времени обращения к религиозно-нравственным постулатам, усиление которых достигалось репрезентативными средствами. Например, Елизавета Петровна, которая в зрелом возрасте стремилась придать себе ореол благочестивой государыни, оказала целенаправленную поддержку правовым начинаниям Анны Иоанновны в области организации крестных ходов по торжественным и памятным общегосударственным датам.

«Об именовании политическою смертию возведение на виселицу или положение головы на плаху; о предоставлении в Сенат экстрактов из дел, по которым преступники присуждаются к натуральной или политической смерти, не приводя приговоров в исполнение; и о подтверждении указа 1720 Августа 16, касательно жен и детей тяжких преступников» от 25 мая 1753 г. // ПСЗ–I. Т. XIII . № 10101.

[1] Сенатский «О ревизии уголовных дел по разным ведомствам, и о подтверждении указа 1753 года июня 18, о заменении смертной казни политическою, с объяснением, что почитать сею казнию и что наказанием» от 30 сентября 1754 г. // ПСЗ-I. Т. XIV. № 10306.

Несмотря на свою религиозную щепетильность, дочь Петра Великого выступила решительной сторонницей продолжения законодательной политики огосударствления церкви и, не желая вредить интересам казны, отказалась от поддержки притязаний Святейшего Синода о прекращении «питейных продаж[1]». Компромисс между синодальной администрацией и императрицей был достигнут, когда вскоре возник вопрос о возможности пересмотра законодательного запрета 1722 г. о ношении икон в «частные дома» по просьбе обывателей. Следует отметить, что всесословная направленность данного указа, которая, безусловно, должна была повысить социально-политический имидж правления Елизаветы Петровны, не исключала нарочитого внимания к постулированию обязанности священнослужителей, идущих «в мир», соответствовать высоким требованиям своего звания[2].

Законодательное закрепление внешних атрибутов императорской власти, связанное с попыткой придать гласности наиболее важные с политико-юридической точки зрения события повседневной жизни Императорской семьи, не способствовало, преодолению чрезмерной вольности слухов о беззаботном нраве императрицы Елизаветы и авантажным подробностям ее восшествия на престол. На протяжении 1740-1750-х гг. их пресечение было постоянной заботой следователей Тайной Канцелярии. Вероятно, что это обстоятельство, содействовало возникновению особого внимания императрицы к изобразительному канону высочайших парадных портретов[3].

Склонность Елизаветы Петровны к субъективизму в моделировании визуальных аспектов государственно-правовой политики отразилась и на некоторых идеологических концептах ее царствования, связанных с оценкой правления российских государей предшествующих лет. В частности, возникла мощная тенденция к политической канонизации Петра Великого. Ее проводником, в первую очередь, стало высшее духовенство, ожидавшее от богомольной Елизаветы восстановления патриаршества. В то же время результате негативное отношение к т. н.

---

[1] Сенатский, в подтверждение указа Июля 11, 1743 года «О нечинении, во время крестного хождения и отправления божественной литургии, на улицах безчинств» от 17 ноября 1743 г. // ПСЗ–I. Т. XI. № 8821.

[2] Синодский «О ношении из монастырей и из приходских церквей Святых икон, по требованиям Христолюбивых желателей, в домы» от 6 апреля 1744 г. // ПСЗ-I. Т. XII. № 8913.

[3] Сенатский. Вследствие Именнаго, даннаго Синоду «О торжественных днях рождения и тезоименинства Великаго Князя Павла Петровича» от 9 ноября 1754 г. // ПСЗ–I. Т.XIV. № 10322; Именный, объявленный из Кабинета Ея Величества Академии Наук «О непечатании в Газетах, без Высочайшей апробации, артикулов, касающихся до Императорской фамилии» от 3 ноября 1751 г. // ПСЗ–I. Т.XIII. № 9903; Мессельер де ла. Записки де ла Мессельера о пребывании его в России с мая 1757 по март 1759 года. (С предисловием, примечаниями и послесловием переводчика) // Русский архив, 1874. Кн. 1.Вып. 4.Стлб. 952-1031; Фавье Ж. – П. Русский двор в 1761 году. Перевод с французской рукописи Лафермиера // Русская старина, 1878. Т. XXIII. №10. С. 187-206.

«немецкой партии», ставленниками которой были объявлены герцог Бирон и члены Брауншвейгской фамилии, оказалось перенесено на Россию времен Анны Иоанновны[1].

Поддавшись искушению изъять все указы своей двоюродной сестры «для последующей апробации», как это было сделано в отношении нормативно-правовой базы и делопроизводства «известных персон», Елизавета довольно быстро отказалась от этой затеи. Ее предвзятость по отношению к бывшей сопернице была перенесена на визуально-репрезентативный уровень. В частности, это хорошо прослеживается на примере именного указа 1745 г. о возвращении в казну памятных медалей с изображением младенца Иоанна V, полученных «разных чинов людьми» из Печальной Комиссии во время погребения Анны Иоанновны.

Показательно, что другие медали, прославляющие правление Анны Иоанновны, не стали объектом последовательного уничтожения. Официальное проведение подобной политики подвергло бы сомнению внешнеполитические инициативы и сословные мероприятия 1730-х гг., продолженные в елизаветинское царствование. В частности, принятые Елизаветой Петровной конфискационные меры не коснулась одной из самых известных медальерных работ И.- К. Хедлингера, представляющей эпоху Анны Иоанновны как время господства государственной мудрости и справедливости[2].

В целом, обращение к надсословным стратегиям репрезентативной политики российского самодержавия стало одним из ведущих направлений елизаветинского царствования. В ходе становления и усовершенствования визуально-мнемонических способов воздействия на правосознание сословий использовалась западническая символика, утверждающая

---

[1] Именный, объявленный из Сената Генерал-Проркурором «О запрещении живописцам писать неискусным мастерством портреты Высочайшей фамилии» от 6апреля 1744 г. // ПСЗ-I. Т. 12. № 8912; Сенатский «О неписании портретов Ея Императорскаго Величества неискусным мастерам» от 11 марта 1747 г. // ПСЗ–I. Т. 12. № 9371. Политика, направленная на увековечивание памяти Петра Великого проводилась и на визуально-репрезентативном уровне, причем наиболее значимые инициативы Елизаветы Петровны получили юридическое обеспечение в форме именных указов. См., например: Именный, объявленный Сенату из учрежденной при Дворе Ея Величества Конференции «О сделании монумента мозаической работы над гробом Государя Императора Петра Великаго» от 26 октября 1760 г. // ПСЗ–I.Т. 15. № 11130; Именный, объявленный из Сената «О наименовании Кронштадтскаго канала Петр Великий; и о церемониале, происходившем при впущении воды в новосделанный канал Июля 30, 1752 года» от 18 октября 1752 г. // ПСЗ–I.Т. 14.№ 10035.

[2] Сенатский «О возвращении в казну медалей, розданных из Печальной Коммиссии в 1740 году при погребении Государыни Императрицы Анны Иоанновны» от 3 сентября 1747 г. // ПСЗ–I.Т. XII. № 9439. С.755; Щукина Е. С. Медальерное искусство в России XVIII века. Л.,1962. С. 49-54; Штелин Я. О медальерном искусстве // Записки Якоба Штелина об изящных искусствах в России / составление, пер. с немецкого, вступительная статья, предисловия к разделам и примечания К. В. Малиновского. Т.1. М., 1990. С. 301-313.

приоритет абсолютной власти монарха над иными способами реализации его властных полномочий.

В надсословном ключе был выдержан церемониальный текст сопровождавших коронацию официальных мероприятий, рассчитанных на массовое восприятие надсословных политико-правовых ориентиров, присущих организации властных структур самодержавного государства. Порядок проведения шествий, аудиенций, праздничных гуляний и фейерверков был подчинен требованиям сословной иерархии и отражал степень государственной значимости каждого сословия.

Идеологическое содержание религиозно-нравственной символики корректировалось в соответствии с преобразовательной политикой Петра I и его ближайших преемников, нацеленной на легитимацию церкви, входящей в состав государства и подконтрольный монарху. Это хорошо прослеживается на примере проведения коронаций, в ходе которых использовались знаковые коды, свидетельствующие о падении самостоятельной политической роли церкви и высшего духовенства. Той же цели было подчинено последующее законодательство Елизаветы Петровны об организации религиозных праздников и церемониала.

Кардинальное значение для формирования политического имиджа монарха как единственного гаранта внешней безопасности Российского государства получили сепаратные акты международного права, закрепляющие результаты российской внешней политики в области признания императорского титула отдельными европейскими державами. Надсословная стратегия, основанная на идеологическом постулате «общего блага», присутствовала и в актах уголовного законодательства, обеспечивающих отказ императрицы от применения смертной казни.

Ближайший результат репрезентативной политики 1740-1750-х гг. заключался в обосновании образными средствами легитимной природы особого статуса монарха в политической системе Российского государства и должных поведенческих ориентиров подданных в условиях развития государственного патернализма. Дальнейшее закрепление надсословной политико-правовой матрицы в общественном сознании пришлось на период правления Екатерины II и происходило уже под воздействием модернизационных тенденций, опосредованных идеологией «просвещенного абсолютизма».

Библиографический список

1. Анисимов Е. В. Афродита у власти. Царствование Елизаветы Петровны. М.: АСТ, Астрель, 2010. – 608 с.
2. Вейдемейер А. Царствование Елисаветы Петровны. Сочинение А. Вейдемейера, служащее продолжением Обзора главнейших происшествий в России, с кончины Петра Великого. Ч. I. СПб.: Тип. Департамента внешней торговли, 1834. – 143 с.
3. Кирповская Н. С. Сословная политика Елизаветы Петровны (1741 – 1761) // Вестник Таганрогского института им. А. П. Чехова. 2016, № 1. С. 258-263.

4. Кодан С. В. Сословная стратификация общества и законодательство о состояниях в политике Российской верховной власти (1800-1850-е гг.) // Политика и общество. 2012. № 9. С. 90-99.
5. Кодан С. В. Сословное законодательство в политике российской верховной власти (1800-1850-е гг.) // Юридические исследования. 2012. № 2. С.117-145.
6. Коронационный Сборник, с соизволения Его Императорского Величества Государя Императора издан Министерством Императорского Двора / составлен под ред. В.С. Кривенко. Т. 1. СПб.: Экспедиция заготовления Государственных Бумаг, 1899.
7. Лиштенан Ф. Д. Елизавета Петровна: Императрица, не похожая на других. М.: Астрель, 2012. – 640 с.
8. Мессельер де ла. Записки де ла Мессельера о пребывании его в России с мая 1757 по март 1759 года. (С предисловием, примечаниями и послесловием переводчика) // Русский архив, 1874. Кн. 1.Вып. 4.Стлб. 952-1031.
9. Мурашов И. Ю. Властные полномочия российского монарха в правление Елизаветы Петровны: Автореф. дис. канд. истор. наук. Омск, 2010.
10. Обстоятельное описание торжественных порядков благополучнаго вшествия в царствующий град Москву и священнейшаго коронования Ея августейшаго Императорскаго Величества Всепресветлейшия Державнейшия Великия Государыни Императрицы Елисавет Петровны Самодержицы Всероссийской, еже бысть вшествие 28 февраля, коронование 25 апреля 1742 года. СПб.: Печатано при Императорской Академии наук 1744. – 168 с.
11. Писаренко К. А. Елизавета Петровна. М.: Молодая гвардия, 2014. – 462 с.
12. Ровинский Д. А. Обозрение иконописания в России до конца XVII века. Описание фейерверков и иллюминаций. СПб.: Тип. А. С. Суворина. 1903. – 330 с.
13. Соколова Е. С. Надсословная монархия: теоретическая модель и гносеологические возможности ее апробации в историко-правовой науке // Российский юридический журнал. 2018. № 4. С. 159-176.
14. Фавье Ж. – П. Русский двор в 1761 году. Перевод с французской рукописи Лафермиера // Русская старина, 1878. Т. XXIII. №10. С. 187-206.
15. Штелин Я. Краткая история искусства фейерверков в России // Записки Якоба Штелина об изящных искусствах в России. Т. 1. М.: Искусство, 1990. С. 251-259.
16. Штелин Я. О медальерном искусстве // Записки Якоба Штелина об изящных искусствах в России / составление, пер. с немецкого, вступительная статья, предисловия к разделам и примечания К. В. Малиновского. Т.1. М.: Искусство, 1990. С. 301-313.
17. Щукина Е. С. Медальерное искусство в России XVIII века.Л.: Издательство Государственного Эрмитажа. 1962. – 130 с.